

исключил и ошибочный «ь» в слове «испольнена» — «исполнена»; во-вторых, он часто заменяет «ы» оригинала гласной «и», именно вместо: многими (2 раза), холмы, поганыи, киевьскому, великыи (2 раза) — он пишет: многими (2 раза), холми, погании, киевьскому, великии (2 раза); впрочем, мы найдем и обратный случай: вместо «тоимици» он написал «тоймици»; в-третьих, написание «до немецъ» он заменил более правильным «до нѣмецъ», но зато ошибся в слове «отселъ», написав вместо него «отсѣле»; в-четвертых, по невниманию он написал «половицы» вместо «половци».

Все эти разночтения не существенны. Гораздо важнее отметить, что рижский копист сохранил некоторые своеобразия своего оригинала:

1) так, например, в Псковском списке интересно различие между формами «вѣра хртияньская» в начале текста и последующими начертаниями: «кртияньскому языку», «болѣзнь кртияном». То же чередование сохранилось в Рижском списке: хртияньская, кртяньскому, кртияномъ; особенно интересно, что во втором и третьем случаях копист решил затем исправить древнюю простонародную форму, переделав «к» на более ученое «х»: «хртяньскому», «хртияномъ»;

2) копист Рижского списка сохраняет иногда «ь» в середине прилагательных, например: хртияньская, поганьскыя, володимерьскаго;

3) он сохраняет даже такие своеобразные начертания Псковского списка, как: дубравами, прававѣрная, до немецъ, до болгарь, морьдва, Манамахоу;⁵

4) особенно знаменательна странная форма Псковского списка «и жюръ Мануиль» вместо «кюръ» или «чюръ» (ср. Кюрило—Чюрило): она была сохранена копистом Рижского списка, но затем изменена в «иже Рамануиль», что обличает непонимание истории;

5) обращает на себя внимание и форма «Володимеру и Манамаху»; это странное «и» находится одинаково в обоих списках; мы можем объяснить эту вставку лишь требованием дактилического ритма: «дѣду егѡ Володѣмеру и Манама́ху» дает правильный дактилический стих (пентаметр): последовательность пяти дактилей: $\text{+} \cup \cup \text{+} \cup \cup \text{+} \cup \cup \text{+} \cup \cup \text{+} \cup \cup$. тогда как «Володимеру Манамаху» дало бы неудобное сочетание четырех неударяемых слогов: $\cup \cup \cup \cup \cup \cup$. Это наблюдение очень важно, ибо оно подтверждает предположение о том, что «Слово о погибели» было отдельным песенным текстом, позднее приставленным к прозаическому житию Александра Невского. Следует напомнить, что в известном отрывке песни о траве евшане, также приставленном к началу «Жития Даниила Галицкого» в XIII в., тоже стоит «Володимеръ и Мономах».⁶ Песенная традиция XIII в. требовала поставить этот, казалось бы, нелогичный союз между именем и прозвищем своего героя.

Отметим известную невнимательность кописта: он пишет «гдѣ бяху тамо» вместо «где тамо бяху», он перепутал знаки препинания и внес нелогичную пунктуацию,⁷ наконец, он три раза пропустил отдельные слова. Остановимся на этих пропусках.

В Псковском списке стоит: «до немецъ, от немецъ до корѣлы, от корѣлы до устьяга». В Рижском — «до нѣмецъ, до корѣлы, до устьяга».

⁵ Писец Рижского списка сперва написал «манаху», но затем надписал выносное «ма».

⁶ Так в лучшем, Ипатьевском списке; в Хлебниковском исправлено: «Володимер Мономах» (Летопись по Ипатскому списку. СПб., 1871, стр. 480).

⁷ О нелогичности пунктуации Рижского списка см. нашу статью (ТОДРА. т. XV. М.—Л., 1958, стр. 90—92).